

Пушкинъ и Славяне.¹⁾

Экстраординарнаго профессора П. А. Лаерова.

Мм. Гг.

Передъ отъѣздомъ на югъ въ 1820 г. Пушкинъ писалъ князю Вяземскому: «Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду краевъ чужихъ, авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу». Эти надежды на благодатное вліяніе юга не обманули поэта. Поѣздка на югъ внесла въ его жизнь всю полноту «спасительнаго для души разнообразія». Въ первый же годъ мы находимъ его на берегахъ Днѣпра и на Кавказѣ, въ Крыму и пустынной Молдавіи, въ Украинѣ и благословенной Бессарабіи. И всюду, куда ни ступаетъ его нога, раздаются дивныя пѣсни, воспѣвающихія и горы, и море, и степи. Но не одна природа съ ея красотами восхищала поэта, ни чуть не менѣе привлекали его разноплеменные народы южной Россіи — черкесы на Кавказѣ, татары въ Крыму, цыганы въ Бессарабіи. Съ свойственной русскому человѣку способностью проникать въ духъ каждаго народа, съ которымъ онъ сталкивается, способностію, которою нашъ поэтъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ нашихъ писателей, обладалъ въ высшей степени, Пушкинъ всматривается въ жизнь упомянутыхъ племенъ, для него новыхъ. Онъ самъ признаетъ, что въ Кавказскомъ Плѣнникѣ «черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть его повѣсти». И дѣйствительно, перечитывая Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскій Фонтанъ, Цыганъ, мы невольно дивимся тому, съ какой

¹⁾ Речь произнесена въ торжественномъ собраніи Университета п ученыхъ Обществъ 27 мая.

поразительной вѣрностію изображаетъ нашъ поэтъ дикаго черкеса, когда то грознаго бича народовъ, теперь трудолюбиваго татарина и кочующаго цыгана, точно они ему свои, точно онъ вѣкъ жилъ съ ними, дѣля ихъ задушевныя думы и желанія. Мы назвали тѣ племена, которымъ главнымъ образомъ посвящены пушкинскія поэмы того времени, но въ его душѣ запечатлѣвались и другіе образы, готовые заговорить, когда будетъ нужно позднѣе: мягкая природа Украйны и черты малорусскаго быта, съ такою живостію выступающія въ Полтавѣ, безъ сомнѣнія, были знакомы поэту со времени пребыванія въ Малороссіи. А сколько еще другихъ народностей, сколько отдѣльныхъ типовъ отмѣчены имъ въ его разнообразныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ: не рѣдко двумя-тремя стихами уловлена характерная черта народности или типа. — Но обнаруживая интересъ къ чуждымъ намъ племенамъ, присматриваясь къ разнообразнымъ этнографическимъ типамъ населенія нашего юга, Пушкинъ не забываетъ успѣховъ общаго русскаго дѣла и съ одушевленіемъ истиннаго патріота воспѣваетъ подвиги тѣхъ людей, которые своими усиліями преодолевали препятствія на поступательномъ пути русскаго государственнаго могущества. Барятинскій, Ермоловъ и простые наши казаки прославлены тамъ же, гдѣ и отстаивающіе дикую волность гордые сыны Кавказа. Пушкинъ видитъ, что продолжительная борьба закончится торговыми выгодами послѣ замиренія Кавказскаго края, онъ признаетъ важное значеніе запущеннаго Крыма, не забывая даже интересовъ чисто археологическихъ.

Среди нашего разноплеменнаго юга вниманіе Пушкина въ самомъ скоромъ времени привлекли и близкіе намъ сосѣдніе народы—единовѣрные греки и единоплеменные славяне. Какъ разъ въ то время, когда Пушкинъ прибылъ на югъ, вспыхнуло греческое движеніе такъ называемой этеріи. Нѣсколько писемъ нашего поэта свидѣтельствуютъ, какъ увлекала его начатая греками борьба за независимость. Онъ внимательно слѣдитъ за ходомъ этой борьбы, упоминая о прокламаціяхъ Ипсиланти, освященіи знаменъ, о проявленіи небывалаго энтузіазма греческихъ патріотовъ въ Одессѣ; размышляетъ о судьбахъ греческаго возрожденія и живо интересуется вопросомъ о томъ, какое положеніе займетъ въ этомъ дѣлѣ Россія. Когда немного позднѣе онъ замѣчаетъ и слабыя стороны движенія, неподго-

товленность вождей, случайный составъ войска и до его друзей доходятъ слухи о его несочувствіи грекамъ, Пушкинъ съ живостію возражаетъ: «я не варваръ и не апостоль Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ; вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ выпала священная обязанность быть защитниками свободы». Такому настроенію вторить и его муза:

«Возстань, о Греція, возстань!
 Не даромъ напрягаешь силы,
 Не даромъ потрясаетъ брань
 Олимпъ и Пиндъ и Фермопилы.
 . . . Страна героевъ и боговъ,
 Расторгни рабскія вериги,
 При пѣньи пламенныхъ стиховъ
 Тиртея, Байрона и Риги!»

Можно думать, что въ тѣсной связи съ участіемъ въ греческой борьбѣ за освобожденіе находится и пробужденіе въ Пушкинѣ интереса къ южнымъ славянамъ, преимущественно сербамъ. Послѣдніе ранѣе грековъ вели такую же борьбу противъ турокъ. Къ тому времени, когда греческое движеніе только еще начиналось, сербы выдержали два возстанія и одинъ изъ ихъ вождей, прославившій себя геройскими подвигами въ битвахъ съ турками, Георгій Петровичъ Черный, послѣ непродолжительнаго управленія страной, успѣлъ уже сойти со сцены. Въ 1813 г. покинувъ Сербію, онъ поселился въ Бессарабіи, гдѣ избралъ мѣстомъ жительства Хотинъ. Люди, стоявшіе во главѣ этеріи и подготовлявшіе исподоволь дѣло освобожденія Греціи, были заинтересованы въ томъ, чтобы привлечь къ участію въ немъ сербовъ, какъ уже испытанныхъ борцовъ съ турками. Склонить на свою сторону страшнаго туркамъ Карагеоргія было для нихъ крайне важно. И они успѣли въ этомъ. Карагеоргій въ 1817 г., покинувъ Бессарабію, явился въ Сербіи. Но воевода Милошъ, представлявшій въ то время сербовъ въ правительствѣ бѣлградскомъ, опасаясь потерять власть послѣ прибытія Карагеоргія, предупредилъ объ этомъ турокъ и Карагеоргій жизнью заплатилъ за попытку поднять сербовъ. Безучастіе правительства, разумѣется, не мѣшало участію въ движеніи вольныхъ людей: мы хорошо знаемъ, что позднѣе не мало сербовъ и болгаръ сражалось въ рядахъ гетеристовъ за греческую

свободу. Но это сочувствіе сильнѣе выражалось у насъ на югѣ и въ Бессарабіи въ особенности, гдѣ жило много сербовъ, между которыми были люди, близкіе къ Карагеоргію, занимавшіе должности начальниковъ отдѣльныхъ сербскихъ округовъ въ то время, когда онъ былъ у власти. Семья Карагеоргія продолжала жить въ Хотинѣ. Какъ много было сербовъ на югѣ можно судить по тому напр., что среди подписчиковъ на извѣстную поэмѣ сербскаго поэта Симы Милутиновича Сербіанку мы насчитали до 75 сербовъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей сербской территоріи Бѣлграда, Шабца, Смедерева, Ужиць, Крушева, Фрушкой Горы, Сараева, Мостара, Боки, Котора, Рисна и даже Черногоріи и все это были жители Одессы, Кишинева, Хотина, Измаила, Аккермана¹⁾. Среди этого сербскаго населе-

¹⁾ Въ числѣ подписчиковъ на вышедшую въ Лейпцигѣ съ 1826 г. Сербіанку С. Милутиновича мы находимъ имена слѣдующихъ сербовъ, жившихъ на югѣ Россіи :

1) Изъ Одессы : Филип Лучић града глава и торговле советник, Іоан Ризнич Комерцие советник, Иван Квекичъ, Георг Ризничъ, Димитрие Скуличъ, Марко Квекичъ, Платон Симоновичъ Срб (из Фрумке Каменице), доктор Фил. и своб. Наук и профес. у Лицеіу, Лука Ліесар Црногорец, Димитрие Раіовичъ Триестинац, Христо Петровичъ бив. Срб. главни Куріер, Степан Иванов Радовичъ.

2) Изъ Бессарабіи, изъ г. Кишинева : Его В. П. Г. Леонтие бивши Митрополит у Београду, и руски Кавалер. Ег. Преп. Г. Спиридон Филиповичъ Срб. Архимандрит и Рус. Кавалер, Г. Полковник и кавалер Іаков Николаевич Родич (Србин), Госпоіа полковница Мари Андресвна Радичевка, Гя Подполковник Петар Феодоровичъ Добрніац, Гя Подполковница Мариа Дигановичъ Добрничевка, Гчна Ліубинка Петровна Добрничева, Гн. Отет. Штабе-Капетан и каваліер Степан Огоріелица, Гн Лука Лазаревичъ бив. Шабца а Подрніа Комендант, Гя Даноіла Лазаревичка, Г. Іанчице Димитриевичъ Буричъ бив. вѣжда главни секретар и Рус. Качлер, Г. Вуле Пличъ бив. Комендант Смедерева, Гя Мариа Константиновна Илиѣка, Гчна Мпилица Вуловна, Гн Крага Патриарханин бив. Срб. Качет., Гя Стака Константиновна Краговка, Гчна Катарина Константиновна, Гн Александер Миловановичъ, Тит. сов. Александер Миатовичъ Срб., Подпоручикъ Крста Никшичъ, Прапорщикъ Дамитрие Хрстичъ, Іеѳта Хрстичъ бив. боєгр. Полиц., Гя Анета Срдановичъ Хрстичка. Ніјов син. г. Максим Іеѳтиміев Хрстичъ студент вишеч. Училишта Ніежинска, Гн Благое Миленковичъ, Христа Живковичъ Ксеадовски, Никола Симоновичъ, Никола Ивановичъ Видинлиа, Никола

нія безъ сомнѣнія многіе неравнодушно слѣдили за греческимъ движеніемъ. Были и прямые въ немъ участники. Пушкинъ могъ ихъ видѣть вмѣстѣ съ греками. Отъ нихъ онъ конечно слышалъ рассказы и о герояхъ сербской борьбы за освобожденіе. Отзываясь на все своей лирой, въ 1820 г. онъ написалъ первое стихотвореніе на славянскую тему. Это было: Дочери Карагеоргія, явившееся въ печати только въ 1826 г. Гораздо позднѣе въ 1833 г. написаны имъ были пѣсня о Георгій Черномъ и Воевода Милошъ, но написать ихъ Пушкинъ могъ, только храня въ своей памяти рассказы, слышанные во время пребыванія на югѣ: народныхъ пѣсенъ такого содержанія мы не находимъ въ извѣстныхъ намъ сборникахъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, хотя пѣсенъ, воспѣвающихъ возстаніе, не мало. На сколько намъ извѣстно, эти стихотворенія Пушкина не подвергались разбору критики. Анненковъ ограничился о нихъ замѣткой: «двѣ пѣсни «о Георгіи Черномъ и воевода Милошъ»,

Ивановичъ Карановчанин, Прока Ивановичъ Судар из Славоніе, Моисило Іеремичъ Српемчанин, Ћорге Бесаровичъ, Милутинь Симоновичъ с рожанства Нах. Ужичке, Гчна Марпа Ивановичъ Селакова и брат њиен Димитрие Селак, Г. Георг Младеновичъ, Кн. Старов. Іован Рашковичъ, Гча кнегинія Александра Рашковичка, Г. кн. Нпколаі Іованов Рашковичъ, Гч Антоние Симоновичъ бив. воів. Крушев., Степан Живковичъ Колож. Ассес., Гча Савка Николаевна Живковичка Гчна Соѡна Степановна Живковичева, Филип Николаевичъ учен., Г. Лазар Арсеновичъ и луба његова, Гча Стана Іаковлева Арсеновичка, Гч Тошо Филиповичъ Хербез са сестромъ Гюм Госпавомъ Ф. Х., Петар Илиев Воіновичъ вѣрни Ћ—ов слуга, Г. Илиа Чарапичъ бив. Гроч. воів., Видко Коловичъ из Котора.

3) Изъ Бессарабіи, изъ г. Аккермана: Г. Тома Милияновичъ Моринянин из Бокс, Цыстко син истого, Гча Марпа Іанкова Милиновичка.

4) Изъ Бессарабіи, изъ г. Хотина: Господар Алекса Карагоргевичъ, Г. Іеврем Нснадовичъ бив. воів. вал., Милош Сарановч бив. воів. Жупски, Александар Х. Тришковичъ Сараілиа.

5) Изъ Бессарабіи, изъ г. Измаила: Г. трговине сов. Матиа Драгичевичъ из Рясніа, Гча Елисавета Х. Тодоровичъ Драгичевичка, Стеван Брававичъ Мостаранин, Спиридон Бурковичъ из Рясніа, Іован Густовичъ Бокелі из Нового, Іован Обиловчъ отлеѣер, Ћорге Ћурасовичъ отудаѣер.

Изъ этого перечня видно, что въ Россіи находились многіе изъ тѣхъ сербовъ, которые при Карагеоргіи были воеводами въ различныхъ округахъ Сербіи.

Пушкинъ почерпнулъ изъ современной сербской исторіи. Источника послѣднихъ мы не знаемъ и весьма склонны думать, что онѣ принадлежатъ Пушкину безраздѣльно».

Теперь, когда общая характеристика пушкинскаго творчества дана нашими лучшими писателями въ предшествовавшіе юбилейные годы, думаемъ, настала пора и для детальной оцѣнки произведеній нашего великаго поэта.

Личность перваго вождя въ борьбѣ сербовъ за свободу Георгія Петровича, прозваніемъ Чернаго или Кара Георгія, — вполне трагическая. Ставъ во главѣ своего народа за святое дѣло, освобожденіе родины, онъ не щадилъ никого, кто такъ или иначе препятствовалъ успѣхамъ дѣла. Кровавой драмѣ, при которой палъ отецъ Карагеоргія, посвятилъ Пушкинъ пѣснь о Георгіи Черномъ :

«Не два волга въ оврагѣ грызутся—
 Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
 Старый Петро сына укоряетъ :
 Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый.
 Не боишься ты Господа Бога !
 Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
 Воевать съ бѣлградскимъ пашою !
 Аль о двухъ головахъ ты родился ?
 Пропадай ты себѣ, окаянный,
 Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь ?
 Отвѣчаетъ Георгій угрюмо—
 Изъ ума, старикъ, видно выжилъ,
 Коли лаешь безумныя рѣчи.—
 Старый Петро пуще осердился,
 Пуще онъ бранится, бушуетъ.
 Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
 Туркамъ выдать ослушнаго сына,
 Объявить убѣжище сербовъ.
 Онъ изъ темной пещеры выходитъ ;
 Георгій старика догоняетъ :
 Воротися отецъ, воротися,
 Отпусти мнѣ невольное слово.
 Старый Петро не слушаетъ, грозитъ :
 Вотъ ужъ, разбойникъ, тебѣ будеть !
 Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
 Старику кланяется въ ноги.
 Не взглянулъ на сына старый Петро.

Догоняетъ вновь его Георгій
 И хватаетъ за сивую косу :
 Воротися, ради Господа Бога,
 — Не введи ты меня въ искушенье.
 Отпихнулъ старикъ его сердито
 И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
 Горько, горько Георгій заплакалъ,
 Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
 Взвелъ курокъ да и выстрѣдилъ тутъ-же,
 Закричалъ Петро, зашатавшись :
 Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ !
 И упалъ на дорогу бездыханенъ .

Мы уже сказали, что въ сербской народной поэзіи обходятъ этотъ роковой сюжетъ, но такое событіе должно было поразить народную память и преданія о немъ долго ходили среди народа. Этими преданіями и воспользовались поэты,—у Сербовъ Милутиновичъ въ Сербіянкѣ, у насъ Пушкинъ ; эти преданія заносили на свои страницы и путешественники, напр., Ами Буэ. Вотъ, что говоритъ намъ преданіе : Георгій вмѣстѣ съ своими односельчанами и родными былъ вынужденъ бѣжать въ Срѣмъ. Они были уже на берегу Савы возлѣ Дубоко и ждали венгерскихъ лодокъ, чтобы переѣхать на австрійскій берегъ. Отецъ Георгія потерялъ мужество, задумалъ вернуться домой и хотѣлъ заставить и сына слѣдовать за собой, грозя въ противномъ случаѣ дать знать въ Бѣлградъ о бѣгствѣ сербовъ. «Оставайся съ нами, не возвращайся и раздѣли нашу участь, кричалъ ему сынъ. Старикъ не послушалъ и пошелъ по бѣлградской дорогѣ, тогда сынъ выстрѣлилъ въ него, тихо говоря : «лучше погибнуть тебѣ одному, чѣмъ намъ всеѣмъ». По другому разсказу мать Карагеоргія велѣла ему остановить отца силой, потому что онъ выжилъ изъ ума ; она сама вскрикнула : «Гдѣ твоя твердая рука и твой вѣрный глазъ ? Отправь его туда, гдѣ Турки не могутъ его слышать». Карагеоргій три раза поднималъ руку и не могъ побѣдить природное чувство. Тогда онъ отдалъ ружье своему товарищу Георгію Остричу и сказалъ ему : «Стрѣляй : столько людей не должны погибать изъ-за одного ; пусть лучше погибнетъ одинъ. Если есть правда, если угодно Богу, ты попадешь въ него». Онъ былъ погребенъ своими, и сынъ приказалъ присутствовавшимъ сельчанамъ совершить по отцѣ поминки. —

Версія, которою пользовался Пушкинъ, ближе къ тому преданію, гдѣ не говорится объ участи матери. Такова передача этого событія у Милутиновича. Сходство у Пушкина и у Милутиновича можетъ легко объясняться тѣмъ, что Милутиновичъ писалъ Сербіанку на югѣ Россіи: его родители жили въ Кишиневѣ, а потому оба поэта могли пользоваться одними и тѣми же рассказами. Но въ подробностяхъ Пушкинъ отклоняется и, можно думать, окончаніе пѣсни, сцена матери съ сыномъ, принадлежитъ нашему поэту.

«Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился,
Его мать вышла ему на встрѣчу:
Что, Георгій, куда дѣлся Петро?
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
За обѣдомъ старикъ пьянъ напился
И заснулъ на бѣлградской дорогѣ —
Догадалась она, завопила:
Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный».

Ни у Милутиновича, ни въ записанныхъ сербамъ преданіяхъ нѣтъ такой версіи. Милутиновичъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ мать отнеслась къ совершившемуся факту. И заключеніе, въ которомъ прозваніе Чернаго приписывается Пушкинымъ за совершенное отцеубійство, не подтверждается сохранившимися у сербовъ преданіями, хотя таковыя дошли до насъ въ нѣсколькихъ версіяхъ. По одной изъ нихъ, когда сестра Карагеоргія выходила замужъ, онъ выбралъ для нея нѣсколько ульевъ пчель. Замѣтивъ, что мать подмѣнила нѣкоторыя изъ нихъ, онъ позвалъ ее, поднимая передъ ней каждый улей и спрашивалъ: хорошъ ли онъ? Затѣмъ поднявъ послѣдній, онъ набросилъ его на голову матери и убѣжалъ. Мать закричала: «Георгій, черная душа» (по другому варианту: Ахъ ты сынъ мой Черный! Что сдѣлалъ ты своей матери)? Оттого говорятъ и осталось за нимъ прозваніе Черный Георгій. Мать его, ужаленная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, сама смѣялась, вспоминая этотъ случай.— Мы привели этотъ рассказъ, какъ онъ переданъ у Ами Буэ. Милутиновичъ, съ которымъ Буэ близко сходитя, прибавляетъ въ похвалу воспѣваемого героя: «Это скорѣе было смѣшно,

чѣмъ опасно; но доблесть стремится къ правдѣ и не смотритъ ни на родство, ни на лица. Оттого на вѣки и осталось за Георгіемъ прозвище Черный или скорѣе строгій, а Турки на своемъ языкѣ послѣ чудесно счастливыхъ сраженій, въ которыхъ онъ разбивалъ ихъ повсюду, перевели «черный» словомъ «*Кара*», такъ получилось на вѣки славное имя Кара—Джордже.

Есть еще совершенно другой рассказъ, объясняющій прозвище Черный: Разъ Георгія преслѣдовала погоня, такъ что нигдѣ не было ему пристанища. Георгій пришелъ къ одному источнику недалеко отъ села; разчитывая, что здѣсь онъ въ безопасности, напился воды и сѣлъ отдохнуть. Видитъ, баба идетъ съ ведрами за водой. Что за шумъ въ селѣ, баба, спросилъ Георгій.— Да вотъ этотъ черный, а не бѣлый Георгій бѣжалъ въ гайдуки и надѣлалъ зла больше чѣмъ турки; его хотятъ схватить. А ты знаешь этого Чернаго Георгія? Не знаю, сынокъ; я его никогда не видала.—А чтобъ тебя!.. такъ вотъ узнай его, сказалъ Георгій и забросалъ бабу и ведра камнями. Вотъ, говорилъ онъ позднѣе, вѣдь не иной кто, а баба прозвала меня Чернымъ, но и отплатилъ же я ей.

Рѣшить какая версія ближе къ первоначальной, разумѣется трудно, но во всякомъ случаѣ Пушкинъ пользовался надежнымъ источникомъ. Такъ самое начало пѣсни: Не два волка грызутся въ оврагѣ, интересно вѣрнымъ указаніемъ мѣстности. Событіе происходило на самомъ дѣлѣ у оврага. По рассказу одного изъ сподвижниковъ Карагеоргія Йокича одинъ разъ на охотѣ въ той мѣстности, гдѣ произошло убійство, Карагеоргій ему сказалъ: Видишь-ли, Петръ, этотъ красный оврагъ?—Вижу, господарь, отвѣтилъ я.—Тамъ зарытъ мой отецъ!—И больше ни слова не сказали мы, ни онъ, ни я. Въ стихотвореніи «Дочери Карагеоргія», поэтъ сильными стихами очертилъ трагическій образъ знаменитаго его отца:

«Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ».

Слѣдующіе затѣмъ стихи требуютъ разъясненія:

Тебя, младенца, онъ ласкалъ
На пламенной груди ругой окровавленной.

Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
 Братоубійствомъ изощренный.
 Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
 Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью
 Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
 И лепеть твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью.

Пушкинъ очевидно слышалъ разсказъ объ убійствѣ Карагеоргіемъ своего брата, но ему вѣроятно осталась неизвѣстна причина новой суровости Карагеоргія. Его братъ отличался распущенностью; Карагеоргію хорошо это зналъ, много разъ его останавливалъ, но это не дѣйствовало, и когда снова одна женщина стала горько жаловаться, что онъ ведетъ себя не лучше турокъ, Карагеоргію велѣлъ его повѣсить. Еще два серба лишены были жизни Карагеоргіемъ; одинъ говорилъ противъ его власти, какъ верховнаго вождя, и палъ отъ его пули, другой принадлежалъ къ разбогатѣвшимъ и злоупотреблявшимъ своей властью старѣйшинамъ Карагеоргія, бѣжалъ въ Австрію и выданный австріяцами былъ убитъ по распоряженію Карагеоргія, но не имъ лично. Суровая казнь постигала дурныхъ людей и являлась не столько результатомъ обдуманнаго заранее убійства, сколько вспышкой гнѣва, карающаго за нарушение общаго блага. Но стихи: «Таковъ былъ сумрачный, ужасный до конца» мастерски характеризуютъ замкнутый характеръ Карагеоргія, неутомимаго въ битвѣ или за полевыми работами, но не охотника до разговора и веселья. А общій тонъ стихотворенія, въ которомъ въ рѣзкой противоположности выставленъ невинный образъ дочери и сумрачный ликъ ея героя отца, на душѣ котораго тяготѣютъ страшныя преступленія, и его конецъ придаютъ ему романтической оттѣнокъ: Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца смиренной жизнію предъ небомъ искупила: Съ могилы грозной къ небесамъ Она, какъ сладкій эмиамъ, Какъ чистая любви молитва восходила.

Второму вождю за сербскую свободу Милошу Обреновичу Пушкинъ посвятилъ пѣсню Воевода Милошъ. Положеніе Сербіи вѣрно изображено Пушкинымъ: возстанію Милоша дѣйствительно предшествовали страшныя насилія турокъ; послѣднія, завладѣвъ Сербіей послѣ удаленія Карагеоргія въ 1813 году, чувствовали себя въ ней прежними хозяевами, обложили населеніе тяжелыми налогами, отбирали у него оружіе, принуждали

къ тяжелымъ общественнымъ работамъ, оскорбляли сербскихъ женщинъ; а послѣ Хаджи Продакова бунта поступали, какъ настоящіе звѣри, душили привязанными къ подбородку мѣшками съ золой, связавъ по рукамъ и ногамъ, вѣшали на перекладину, наложивъ на тѣло тяжелые камни, засѣкали до смерти, сажали на колъ, поджаривали живыхъ. Магометанскіе цыганы снимали съ встрѣчавшихся сербовъ одежду и взамѣнъ отдавали свои лохмотья. Мы теперь все это знаемъ изъ историческихъ очерковъ новой сербской исторіи, напр. изъ книги Ранке, — Пушкинъ въ свое время пользовался живыми разсказами. Вотъ его пѣсня:

«Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже,
 Заѣдаютъ насъ волки-янычары.
 Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
 Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
 Сыновей въ неволю забираютъ,
 Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
 Распѣвать заворныя пѣсни
 И плясать басурманскія пляски.
 Старики даже съ нами согласны:
 Унимать насъ они перестали—
 Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
 Гуслеры насъ въ глаза укоряютъ:
 Долго-ль намъ мирволить янычарамъ?
 Долго-ль намъ терпѣть оплеухи!
 Или вы ужъ не сербы—цыганы?
 Или вы не мужчины—старухи?
 Вы бросайте ваши бѣлые дома,
 Уходите въ Велійское ущелье—
 Тамъ гроза готовится на турокъ,
 Тамъ дружину свою собираетъ
 Старый сербинъ, воевода Милошъ».

Въ этой пѣсни можно замѣтить только одно: нигдѣ не упоминается Велійское ущелье при разсказѣ о возстаніи Милоша и напрасно воевода Милошъ названъ старый сербинъ, если этимъ нашъ поэтъ хотѣлъ отмѣтить его происхождение изъ старой Сербіи.

Изъ той же эпохи борьбы народовъ балканскаго полуострова за свою свободу Пушкинъ сохранилъ намъ яркую картинку въ повѣсти Кирджали. Въ ней героемъ является болгаринъ по рож-

денію, вступившій въ отрядъ гетеристовъ. Пушкинъ своимъ разсказомъ увѣковѣчилъ битву подъ Скулянами, гдѣ 700 чело- вѣкъ отступило передъ 15000-нымъ турецкимъ отрядомъ и въ которой по его словамъ палъ герой другой его повѣсти «Вы- стрѣлъ» Сильвіо. О герояхъ этой битвы, разсыпавшихся по Бессарабіи, Пушкинъ говоритъ съ участіемъ: «Они вели жизнь праздную, но не безпутную. Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полутурецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ. Ихъ узорныя куртки и красныя востроносыя туфли начинали уже изнашиваться, но хохлатая скуфейка все же еще надѣта была на бекрень, а ятаганы и пистолеты все еще торчали изъ-за широкихъ поясовъ. Никто на нихъ не жаловался. Нельзя было и подумать, чтобъ эти мирные бѣдняки были извѣстнѣйшіе клефты Молдавіи, товарищи грознаго Кирджали, и чтобъ онъ самъ находился между ними».—Прекрасно изображено Пушкинымъ отношеніе русскихъ властей къ Кирджали, когда турки потребовали его выдачи, и защита его. Пойманный въ домѣ бѣлаго монаха и посаженный подъ караулъ, Кирджали говорилъ на допросѣ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ за Прутъ, я не тронулъ ни волоса чужаго добра, не обидѣлъ и послѣдняго цыгана. Для турокъ, для молдаванъ, для валаховъ я, конечно, разбойникъ, но для русскихъ я—гость. Когда Са- фіаносъ, разстрѣлявъ всю свою картечь, пришелъ къ намъ въ карантинъ, отбирая у раненныхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ ятагановъ, я отдалъ ему двадцать бешлыковъ и остался безъ денегъ. Богъ видитъ, что я, Кирджали, жилъ подаяніемъ! За что же теперь русскіе выдаютъ меня моимъ врагамъ?» Послѣ описанія отъ- ѣзда Кирджали, исполненнаго бытовыхъ указаній, характерныхъ для Бессарабіи, Пушкинъ изображаетъ типичный видъ самого Кирджали: «Онъ казался лѣтъ 30-ти. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго роста, широко- плечъ, и вообще въ немъ изображалась необыкновенная физи- ческая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкой поясъ обхватывалъ тонкую поясицу; доломанъ изъ толстаго сянга сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ, и красныя туфли составляли остальной его нарядъ. Видъ его былъ гордъ и спокоенъ». И здѣсь мастерски

нарисованъ знакомый балканскому полуострову типъ гайдука. И этотъ герой съ гордымъ сознаниемъ своей силы на лицѣ, гремя цѣпями, падаетъ въ ноги передъ «краснорожимъ чиновникомъ въ полиняломъ мундирѣ, съ тремя болтающимися на немъ пуговицами», «съ оловянными очками на багровой шишкѣ, замѣнявшей у него носъ»—по истинѣ Гоголевскій типъ—гнуся читающимъ приговоръ,—голосъ Кирджали дрожитъ, лицо измѣняется, онъ плачетъ. Но это было не долго; передавъ просьбу, Кирджали «всталъ самъ, подобралъ свои кандалы, шагнулъ въ каруцу и закричалъ: гайда! Жандармъ сѣлъ подлѣ него; молдаванъ хлопнулъ бичемъ, и каруца покатила». Очевидецъ событiя узналъ отъ чиновника, что Кирджали просилъ его позаботиться объ его женѣ и ребенкѣ, которые живутъ недалеко отъ Килии «въ болгарской деревнѣ, боясь, чтобы и они изъ за него не пострадали».—Здѣсь Пушкинъ отмѣтилъ симпатичную черту нѣжной семейственности, отличающей болгарина, и вообще южнаго славянина. Невольно намъ вспоминается при этомъ одно мелкое стихотворенiе нашего поэта, посвященное болгарамъ:

«Въ степяхъ зеленыхъ Буджака,
Гдѣ Прутъ, завѣтная рѣка,
Обходитъ русскiя владѣнья,
При бѣдномъ устьѣ ручейка
Стоитъ безвѣстное селенье:
Семействами болгары тутъ
Въ убогой дикости живутъ,
Храни родительскiе нравы,
Питаея рукъ своихъ трудомъ
И не заботяся о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы
И мирно правятъ ихъ судьбой!...»

Только первостепенный поэтъ могъ увѣковѣчить селенiе, не назвавъ его имени,—стихами, въ которыхъ затронута красота природы изображаемой мѣстности и привлекательныя черты трудолюбиваго, но еще не доросшаго до политическаго самосознанiя населенiя. Розыскать это не названное по имени селенiе такъ и манятъ «зеленыя степи Буджаака» и то укромное въ нихъ мѣстечко, гдѣ ручеекъ впадаетъ въ завѣтную рѣку Прутъ. Развязка повѣсти—бѣгство Кирджали, переноситъ насъ въ исполненный чудесъ мiръ востока и съ этой стороны неподобно.

Уваженіе турокъ къ подвигамъ героя, хотъ и врага, довѣрчивость и безпечность при пойскахъ клада, все это вполнѣ въ духѣ востока. Рѣдко можно встрѣтить въ небольшой повѣсти такое обиліе бытовыхъ чертъ той мѣстности и среды, жизнь которыхъ составляютъ ея сюжетъ. Такъ написать могъ только человѣкъ, хорошо знавшій изображаемую имъ обстановку. «Кирджали мастерской разсказъ истиннаго произшествія» выразился не даромъ Бѣлинскій.

Разобранныя нами стихотворенія и эта повѣсть, а также письма о греческомъ возстаніи, остались свидѣтельствомъ того живого участія къ судьбамъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ народовъ Балканскаго полуострова, которое Пушкинъ благодаря главнымъ образомъ пребыванію своему на югѣ Россіи, могъ выразить въ своей поэзіи.—Кто знаетъ Балканскій полуостровъ съ чудной красотой его природы, съ разнообразіемъ народовъ его обитающихъ, кому дороги завѣтные преданія Византіи, славные памятники ея культуры, гордые своимъ величіемъ и подъ владычествомъ Турокъ, все еще къ стыду Европы продолжающимся, кого интересуютъ исполненныя превратности судьбы единоплеменныхъ намъ славянъ: сербовъ и болгаръ, привлекающихъ своеобразиемъ этнографическаго типа и все еще сохраняющихъ характерныя черты славянскаго склада жизни, кого, наконецъ, плѣняетъ интересная пестрота нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ, проистекающихъ отъ столкновенія востока и Европы,—тотъ особенно можетъ пожалѣть, что не осуществились порывы нашего великаго поэта посѣтить Константинополь. Въ 1829 г. могъ бы представиться удобный случай, если-бъ Пушкинъ попалъ въ забалканскую армію Дибича, но судьба, соединивъ его съ арміей Паскевича, обогатила русскую литературу поэмой Галубъ и такими прекрасными стихотвореніями, какъ Кавказъ, Монастырь на Казбекѣ, Обвалъ, Делибашъ, Донъ и др. вмѣсто краевъ Забалканскихъ Грузіи и Арменіи посчастливилось быть описанными Пушкинымъ. Но все же Пушкинъ и съ Кавказа отозвался на событія на Балканахъ стихотвореніемъ: Олеговъ Щитъ.

Стихотвореніе Дочери Карагеоргія и два другихъ: пѣсня о Георгіи Черномъ и воевода Милошъ различаются по внѣшней формѣ, а также и по духу. Первое представляетъ обычный искусственный размѣръ, два другихъ писаны пѣсеннымъ народ-

нымъ стихомъ ; первое написано въ духѣ романтизма, два другихъ эпически изображаютъ сюжетъ въ духѣ народнаго творчества. Это зависитъ отъ разницы во времени между тѣмъ и другими. Прошло болѣе десяти лѣтъ съ 1820 г. : Пушкинъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе становился народнымъ. Народныя пѣсни, сказки, пословицы, которыми онъ справедливо восхищался, открыли передъ нимъ новый міръ народнаго творчества. Пушкинъ вздумалъ внести сюжеты этого міра и въ свою поэзію. Въ печати какъ первый опытъ въ этомъ родѣ появилась сказка о царѣ Салтанѣ и др. Бѣлинскій отнесся къ этимъ сказкамъ неблагоклонно : въ его глазахъ онѣ были поддѣльными цвѣтами, плодомъ ложнаго стремленія къ народности. Тѣмъ интереснѣе, что отъ 1830 г. сохранилось у насъ начало сказки склада вполне народнаго :

Какъ весенней теплою порою
Изъ подъ утренней теплою зорюшки
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу изъ дремучаго
Выходила медвѣдица
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами
Погулять посмотрѣть, себя показать и т. д.

Пушкинъ, какъ видно колебался между тѣмъ или инымъ способомъ передачи народныхъ сюжетовъ. Въ пѣняхъ западныхъ Славянъ у него получилъ преобладаніе народный размѣръ. Только Похоронная пѣсня, Бонапартъ и Черногорцы, Вурдалакъ и Конь писаны риемованными стихами, во всѣхъ остальныхъ, по наблюденію проф. Э. Е. Корша, Пушкинъ своеобразно подражалъ сербскому десятисложному стиху, не заботясь о введеніи правильнаго стопнаго строя, а свободно обращаясь съ размѣромъ и довольствуясь осуществленіемъ ритма въ общихъ чертахъ. Въ размѣрѣ этихъ пѣсенъ видны слѣды вліянія русской народной пѣсни. И это неудивительно Изъ статьи Мысли на дорогѣ, писанной въ 1833 г., видно какъ высоко цѣнилъ въ это время Пушкинъ народный стихъ, ставя Радищеву въ заслугу, что онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Ожидая, что будущій эпическій поэтъ изберетъ бѣлый стихъ и сдѣлаетъ его народнымъ, Пушкинъ предсказываетъ ему блестящую будущность.

Знакомство Пушкина съ сербской народной поэзіей относится

безъ сомнѣнія ко времени пребыванія его на югѣ Россіи въ Бессарабіи. Липранди намъ передаетъ, какъ одинъ разъ въ Измаилѣ въ домѣ серба Славича, гдѣ гости были встрѣчены съ славянскимъ радушіемъ, свояченица хозяйина, не знавшая кромѣ родного и итальянскаго языка никакого другого, продиктовала нашему поэту какую то славянскую пѣсню и пришлось отыскивать кого нибудь, кто бы могъ ему объяснить слова иллирійскаго нарѣчія, бывшія ему непонятными. Къ сожалѣнію Пушкинъ обратился къ сюжетамъ изъ сербской народной поэзіи много позднѣе и большую часть сербскихъ пѣсенъ заимствовалъ изъ источника сомнительнаго, какимъ являлась книга французскаго писателя Мериме, который никогда не бывалъ въ славянскихъ земляхъ и вносилъ въ пѣсни черты, чуждыя пѣсенному содержанію, напр. вѣрованія въ вукодлаковъ, т. е. вампировъ, длинные рассказы о привидѣніяхъ. Въ оправданіе Пушкина слѣдуетъ замѣтить, что наша литература того времени не представляла ничего цѣннаго въ той области, на которую обратила вниманіе нашего поэта книга Мериме. Прекрасная брошюрка Венелина «О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ», которую умѣлъ оцѣнить Бѣлинскій, явилась позднѣе въ 1835 г. Не было даже и общей характеристики славянской народной поэзіи, которая была впервые представлена въ магистерской диссертациі Бодянскаго: «О народной поэзіи славянскихъ пѣсенъ» Москва 1837 г. Къ чести Пушкина должно сказать, что онъ остерегался ошибки и пытался провѣрить впечатлѣніе, произведенное на него книгой Мериме, справками о происхожденіи этихъ пѣсенъ и отзывами знающихъ дѣло людей. Въ числѣ такихъ онъ называетъ Мицкевича: «поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзіи не усумнился въ подлинности сихъ пѣсенъ». На одну изъ пѣсенъ Мериме, которую Мицкевичъ перевелъ на польскій языкъ: *Morglach* и *Wepesiji* (z serbskiego), Пушкинъ и сослался въ примѣчаніи къ своему переводу той же пѣсни: Валахъ въ Венеціи. Подложность книги Мериме выяснилась постепенно и при дѣятельномъ участіи самого Пушкина, что и ставитъ ему въ заслугу Мицкевичъ въ своемъ курьѣ исторіи Славянскихъ литературъ¹⁾. Очень

¹⁾ Глава XII, стр. 333 французскаго изданія.

вѣроятно, что сомнѣнія Пушкина, заставлявшія его искать повѣрки, зародились у поэта именно благодаря его раннему знакомству съ подлинными народными пѣснями сербовъ. Оттого быть можетъ Пушкинъ и остановился на передѣлкѣ лишь немногихъ пѣсенъ изъ книги Мериме¹⁾ Фальшивыя нотки однако проникаютъ далеко не весь матеріалъ Гузлы. Если этотъ упрекъ можно отнести къ такимъ пѣснямъ, каковыя Гайдукъ Хризичъ, Марко Якубовичъ, Вурдалакъ, Ѳедоръ и Елена, похоронная пѣсня Іакинеа Маглановича, то за то остальные, напр., Видѣніе короля, Янко Марнавичъ, Битва у Зеницы великой, Влахъ въ Венеціи, Бонапартъ и Черногорцы, Конь—сохранили намъ несомнѣнныя мѣстныя черты. Таковы преданія о борьбѣ сербовъ съ турками въ Боснѣ, сюжеты изъ жизни Далматинскаго Приморья и Черногоріи.

Не говоримъ уже о томъ, что всѣ эти пѣсни, свободныя и несвободныя отъ фальши, вносили въ русскую литературу своего времени совершенно для нея новые славянскіе сюжеты, знакомили русскихъ читателей съ историческими преданіями о гибели сербскихъ владѣній, о борьбѣ съ турками гайдуковъ, съ отношеніями покоренныхъ къ туркамъ, съ бытовыми чертами южныхъ славянъ, каковы напр. побратимство, вѣра въ вукодлаковъ и др. и въ этомъ отношеніи имѣли важное значеніе. Что же касается достоинства перевода пѣсенъ, взятыхъ у Мериме, то мы раздѣляемъ взглядъ Анненкова и др. Пушкинъ измѣненіями французскаго оригинала улучшилъ эти пѣсни, а народный складъ перевода пѣсенъ, народный размѣръ, народный языкъ, все это дѣйствительно наложило на пушкинскій переводъ тотъ славянскій отпечатокъ, который замѣчаемъ былъ большинствомъ критиковъ. Для примѣра достаточно сопоставить извѣстную всѣмъ нашимъ христоматіямъ сербскую пѣсню: Что ты ржешь, мой конь ретивый? съ ея французскимъ оригиналомъ. Дословный переводъ будетъ таковъ: Отчего ты плачешь мой прекрасный бѣлый конь? Отчего ты ржешь печально? Развѣ не по тебѣ твоя богатая упряжь? Развѣ недостаетъ тебѣ серебряныхъ подковъ съ золотыми гвоздями? Развѣ не висятъ серебряныя бубенчики на твоей шеѣ и ты не носишь на себѣ короля плодо-

¹⁾ Мицкевичъ былъ еще счастливѣе, выбравъ только одну пѣсню.

родной Босніи?—Я плачу, мой господинъ, потому, что невѣрный сниметь съ меня серебряныя подковы, мои золотые гвозди п мои серебряныя бубенцы. Я ржу, мой господинъ, потому, что кожей короля Босніи обтянетъ невѣрный мое сѣдло. Въ пушкин-ской передѣлкѣ эта пѣсня чрезвычайно выигрываетъ: Что ты ржешь, мой конь ретивый? *Что ты шею опустилъ? Не по-тряхиваешь кривой? Не кризешь своихъ удила? Али я тебя не холью? Али пшь овса не въ волю? Алп сбруи не красна? Аль по-водья не шелковы,* Не серебряны подковы, Не злачены стремена? Отвѣчаетъ конь печальный: *Оттого я присмирѣлъ, Что я слы-шу топотъ дальный, Трубный звукъ и пльне стрѣлъ; Оттого я ржу, Что въ полъ ужъ не долго мнѣ цулять, Прожить въ красть и холь, Свѣтлой сбруей цюлолять;* Что ужъ скоро врагъ суро-вый Сбруи всю мою возьметъ И серебряны подковы *съ лѣжкхъ ногъ моихъ* сдеретъ; *Оттого мой духъ и ноетъ, Что ни мѣсто чепрака* Кожей онъ твоей покроетъ *Мнѣ вспотѣвшіе бока.*— Эта пѣсня, которая у Мериме носитъ заглавіе: *Le cheval de Thomas II* и принадлежитъ къ числу удачныхъ, очень интересна своимъ отношеніемъ къ пѣснѣ «Шта је коњу најтеже», находящейся въ сборникѣ Вука Караджича. У Мериме конь носитъ на себѣ короля Босніи Оуму—героя изъ борьбы сербовъ съ турками и пѣсня Караджича не даромъ упоминаетъ Косово: *Коњ јунака оставио На злу месту у Косову,* Јунак коњу говорио: Ој конпцу, добро моје! Зашто мене ти остави На злу месту у Косову? Шта је теби додијало? Или ти је додијало Бојно седло шимширово? Или ти је додијала Тешка узда искићена? Или су ти додијали Чести пути на далеко? Сравнительно съ такимъ началомъ не гармонируетъ вторая половина пѣсни, въ которой передается отвѣтъ коня: «Коњ јунаку говорио: Ни је мени додијало Бојно седло шимширово, Нити ми је додијала Тешка узда искићена, Нити су ми додијали Чести пути на далеко; Веће су ми додијали Чести пути у меану, Мене свежеш за меану, А ти идеш у меану, У меани три девојке: једној име Љубичица, Другој име Грличица, Трећој име Гонджелале; Ти се играш с девојкама: Љубичице, љуби мене! Грличице, грли мене! Гонджелале, лез' код мене! А ја коницъ жедан, гладан Копамъ земљу до колена, Гризем траву до корена, Пијем воду са камена». Упомянутое Косово по нашему мнѣнію указываетъ, что и эта пѣсня первоначально принадлежала къ циклу эпопеи, вос-

иъвавшей борьбу сербовъ съ турками. Имя Оомы у Мериме есть безъ сомнѣнія случайное позднее приуроченіе, въ старшемъ первоначальномъ текстѣ должно было стоять какое либо другое; но конецъ первоначальной пѣсни не могъ быть такимъ, какимъ мы находимъ его у Вука Караджича. Пушкинъ, опустивъ имена Оомы и Босніи, удачно придалъ своей пѣснѣ общесербскій характеръ. Этотъ образецъ его передѣлки служить лучшимъ примѣромъ творческаго отношенія поэта къ сюжету и въ то же время ясно подтверждаетъ вышеприведенное нами замѣчаніе, что далеко не всѣ пѣсни изъ книги Мериме заслуживаютъ порицанія. Напротивъ, мы должны быть благодарны, что этотъ «острый и оригинальный писатель» своей книгой вновь привлекъ вниманіе Пушкина къ славянской народной поэзіи, и начавъ съ передѣлки заключавшагося въ ней матеріала, нашъ поэтъ обратился и къ подлинному источнику сербскихъ пѣсень — сборнику Караджича. Изъ него Пушкинымъ образцово переведены двѣ цѣльныя пѣсни и начата третья (имѣющаяся впрочемъ и у Мериме) объ Асанъ агиницѣ, пѣсня известная тѣмъ, что ее первую перевели на европейскіе языки, на нѣмецкій самъ Гете. Эти послѣднія пѣсни служатъ намъ свидѣтельствомъ того, что Пушкинъ вполне овладѣлъ сербскимъ языкомъ, знакомство съ которымъ слѣдуетъ относить еще ко времени его пребыванія на югѣ Россіи. Интересно, что Пушкинъ зналъ не одинъ только языкъ пѣсень.

Въ замѣчаніяхъ на пѣснь о Полку Игоревомъ для объясненія употребленія частицы *ли* въ древнеслав. онъ ссылается на ея значенія въ живомъ сербскомъ языкѣ, а для объясненія слова «готовъ» въ значеніи «извѣстный» на *иллирійское славянское нарѣчіе*: неготовыми (неизвѣстными) дорогами. Обращаясь къ словарю, мы находимъ у Янежича: *gotov* — *bereit, fertig; gewiss, sicher*, у Вука Караджича послѣднихъ значеній нѣтъ. Въ той-же статьѣ Пушкинъ приводитъ въ латинскомъ правописаніи, вѣроятно, изъ книги Вельтмана, для объясненія слова «кметъ» въ значеніи крестьянинъ: *Kar gospoda stori krivo, kmeti ndrjo plazhat shivo*. Подлинность слова онъ подкрѣпляетъ тѣмъ, что въ немъ есть слова, отысканныя въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ они еще сохранились во всей свѣжести употребленія. Эта ссылка на славянскія нарѣчія при объясненіи древнерусскаго памятника драгоценна для насъ, какъ указаніе на то,

что нашъ поэтъ сознавалъ важность изученія славянскихъ нарѣчій.

Называя пѣсни, взятыя главнымъ образомъ изъ Мериме и отчасти изъ сборника Вука Караджича, *западными*, Пушкинъ безъ сомнѣннѣя допускалъ неточность выраженія, весьма понятную для его времени. Но среди этихъ пѣсенъ есть одна, къ которой вполне подходило бы это названіе: Это пѣсня о Янышѣ королевичѣ. При ней у Пушкина находимъ такое примѣчаніе: «пѣсня о Янышѣ королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую и то не всю». Не смотря на такое точное повидимому указаніе и до сихъ поръ остается неразысканнымъ этотъ подлинникъ. Благодаря этому въ нашей литературѣ высказывались неоднаковыя мнѣнія объ этой пѣснѣ. Анненковъ считалъ ее заимствованной изъ чешскихъ народныхъ сказаній, а проф. О. Е. Коршъ считаетъ ее эпической обработкой сюжета Русалки. Мы позволимъ поэтому отмѣтить тѣ черты, которыя придаютъ Пушкинской пѣснѣ западно-славянскій колоритъ. Прежде всего разумѣется имя Любуши, которая названа чешской королевной, затѣмъ имя Янышъ, извѣстное у словаковъ и мораванъ въ формѣ: Јапоѣ = Јап, ум. Јапоѣсек (отсюда имена мѣстъ: Јапоуѣов, Јапоѣовице и т. д.)¹⁾ и зеленая Морава, повидимому, точнѣе опредѣляютъ мѣстность, гдѣ нужно искать затерянное преданіе. Послѣ того какъ слово «вила» встрѣтилось въ одномъ чешскомъ памятникѣ и опять какъ разъ изъ Моравіи:

Getrich poĉe hniewiw byti,
Lawrunkem o zemi biti;
Co mu vĉinil, to mu zaplatil,
Nes giz bieĉe pasec ztratil,
W niemŹ miel nadziegi y vtiechu;
Ale pĉetrŹen bieĉe po hriechu,
Genz mu byli dali *wily*²⁾,

«сербскія вилы» уже не могутъ говорить противъ чешскаго источника. Но разумѣется, пока не будетъ розысканъ подлин-

¹⁾ Словарь Котта, т. VI, стр. 485.

²⁾ Archiv für Slav. Phil., 13, т. стр. 10.

никъ, нельзя настаивать на зависимости пѣсни о Янышѣ Королевичѣ отъ чешскаго сказанія, до тѣхъ поръ чешскія имена Любуши, Яныша, Моравы будутъ намъ дороги уже по одному указанію на интересъ Пушкина къ преданіямъ чешской исторіи.

Изъ польской литературы Пушкинъ взялъ сравнительно съ тѣмъ, что она могла дать, очень мало, но за то это немногое взято у Мицкевича. Отрывокъ изъ Конрада Валленрода ¹⁾ и двѣ баллады «Воевода» и «Будрысъ» переведены удачно, особенно послѣдняя. Въ ней сохраненъ и размѣръ подлинника и рѣзкое деленіе половины перваго и третьяго стиха каждой строфы: «Три у Будрыса сына, какъ и онъ три литвина. Онъ пришелъ толковать съ молодцами. Дѣти! сѣдла чините, лошадей приводите, да точите мечи съ бердышами». Не меньшій интересъ представляетъ всѣмъ извѣстное стихотвореніе «Мицкевичъ», въ которомъ Пушкинъ, лично знакомый съ польскимъ поэтомъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, далъ едва ли не самую привлекательную и блестящую характеристику Мицкевича:

Онъ между нами жилъ
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,

¹⁾ Въ переводѣ изъ него есть только одинъ промахъ: стихъ: *Wdziekami pruskiej toroli* персонъ—переведенъ: *Пльмецкой тополью пльненнй*. Интересно было бы повтому знать, какъ думалъ Пушкинъ о народности своихъ предковъ, говоря о своемъ родоначальникѣ: «Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца *Радши* или *Рачи* (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго; ср.: «Мой предокъ Радша службой бранной Святому Невскому служилъ». Литовскаго равно какъ и нѣмецкаго въ этомъ имени ничего нѣтъ, а потому скорѣе всего предокъ Пушкиныхъ былъ славянскаго происхожденія. Съ этимъ именемъ слѣдуетъ сравнить, приведенныя въ словарь Котта: *Radoslav* рядомъ съ *Raclav*: *Rad*, *Radeč*, *Radim*, *Radoch*, *Radon*, *Radosta*, *Radoš*. *Radota* и т. д. Послѣднія два особенно важны: ср. *Путша* и *Путята*, а съ вариантомъ *Рача*—*Raclav* и *Rač* см. *Radeč*. т. VII, стр. 552 и 549. Сравни также: *Vadžej*=*raději*, *Radšij*=*raději*, *Radšik*=*raději* тамъ же стр. 558.

И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ—и благословяемъ
Его мы проводили.

Если мы припомнимъ и другія мѣста, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о Мицкевичѣ, напр., въ стихотвореніи Сонетъ:

«Подъ снѣгю горъ Тавриды отдаленной
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ»,

или въ Евгеніи Онѣгинѣ:

Тамъ ¹⁾ вѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ»

и если присоединимъ отзывы о Мицкевичѣ друзей Пушкина князя Вяземскаго и Баратынскаго, то должны будемъ признать, что въ отношеніяхъ всѣхъ ихъ къ польскому поэту преобладали истинно дружественныя чувства.

Что же касается второй половины стихотворенія, въ которой мы находимъ горькіе упреки, обращенные къ Мицкевичу, то виной тому были особыя обстоятельства, при которыхъ оно было написано. Противоположность тѣхъ началъ, которыхъ выразителями являются поляки и русскіе, большое различіе польскаго и русскаго характера, давнее историческое соперничество между двумя славянскими народами всегда создавали важныя и трудно устранимыя причины рѣзкихъ противорѣчій со всѣми ихъ печальными послѣдствіями. Пушкинъ, какъ видно изъ его сочиненій, постоянно выставлялъ на видъ эти противорѣчія какъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, такъ и въ стихотвореніяхъ. Одно изъ нихъ относится къ 1824 г.:

«Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена.

¹⁾ Т. е. въ Крыму.

То наша стонеть сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою».

Тѣмъ сильнѣе сказывались эти противорѣчія въ такіе моменты, когда вѣковая распря принимала острый характеръ. Но слѣдуетъ помнить, что и въ стихотвореніяхъ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина», какъ на это не разъ указывалось, главное негодованіе поэта направлено на грозившихъ вмѣшательствомъ иноземцевъ. Считаая взаимныя отношенія русскихъ и поляковъ споромъ славянъ между собою, Пушкинъ съ удивительной проницательностью намѣтилъ, что то или иное рѣшеніе этого спора можетъ произойти только на славянской почвѣ. Правда онъ поставилъ страшную для славянскаго чувства дилемму:

«Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ».

Съ славянской точки зрѣнія въ интересахъ сохраненія племеннаго славянскаго индивидуализма мы не можемъ желать рѣшенія спора въ такомъ направленіи, при которомъ одна изъ сторонъ должна пострадать. Но мы не должны и обольщаться, не должны обманывать себя иллюзіями. Исторія насъ учитъ, до какихъ бѣдъ доводила славянъ ихъ взаимная рознь. Не одинъ Пушкинъ смотрѣлъ такъ. Возможность рокового исхода представлялась и Шафарику. Ранѣе 1831 г. совершенно по другому поводу чешскій ученый писалъ Коллару: «вопросъ о томъ, какой славянскій языкъ и какая славянская азбука будутъ все-славянскими, рѣшится не перомъ, а мечомъ—потоки крови проведутъ черты буквъ—тамъ, гдѣ ихъ протечетъ болѣе, возникнутъ и языкъ и азбука общеславянскіе». Но если мы искренно желаемъ приблизить то время, «когда народы распри позабывъ, въ великую семью соединятся», то слѣдуя нашему великому поэту, будемъ поддерживать въ себѣ «огонь поэзіи чудесный», который способенъ «сердца враждебныя дружить».

Мы исчерпали все, что въ литературной и поэтической дѣятельности Пушкина имѣетъ отношеніе къ славянству. Среди нашихъ поэтовъ Пушкинъ является едва ли не самымъ чуткимъ къ славянамъ и славянскимъ литературамъ. Онъ удѣлилъ вниманіе болгарамъ и сербамъ, полякамъ и чехамъ. Изъ литературъ сербской и польской онъ перенесъ намъ въ прекрас-

ныхъ переводахъ образцы народной поэзіи: сербскія народныя, и нѣсколько стихотвореній первокласнаго польскаго поэта. У слѣдовавшаго за нимъ Лермонтова находимъ только одинъ сонетъ изъ Мицкевича, у другихъ второстепенныхъ поэтовъ если самыхъ стихотвореній и больше, за то они не обнимаютъ всѣхъ славянъ. Славянскія темы у Пушкина облекались въ живые поэтическіе образы, каковы напр. герои сербской борьбы за свободу Георгій Черный и его дочь, воевода Милошъ и др., которые никогда не перестанутъ намъ напоминать о его живомъ интересѣ къ славянству.

Насколько-же Пушкинъ извѣстенъ славянамъ и въ какой степени распространены среди нихъ его произведенія, насколько глубоко онъ понятъ славянской критикой? Обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы могъ бы составить предметъ особаго изслѣдованія и потребовалъ бы довольно продолжительныхъ подготовительныхъ трудовъ, справокъ въ славянскихъ библіотекахъ, пересмотра славянскихъ газетъ и журналовъ и рѣдкихъ изданій, которыя въ желательной полнотѣ можно найти только въ крупныхъ славянскихъ центрахъ. Подготовительная работа въ этомъ направленіи только еще начинается.

Мы ограничимся теперь лишь краткими замѣчаніями. Знакомство съ Пушкинымъ пролагало путь къ славянамъ не сразу. При отсутствіи правильной организаціи книжныхъ сношеній произведенія однихъ славянъ переходили къ другимъ часто по случаю, черезъ друзей и пріятелей и запаздывали своимъ появленіемъ. Въ Исторіи слав. литературъ Шафарика 1826 г. Пушкинъ названъ какъ авторъ встрѣченныхъ съ общимъ одобреніемъ романтическихъ поэмъ Русланъ и Людмила 1820 г., Кавказскій плѣнникъ 1822 г., Бахчисарайскій фонтанъ 1824 г., Евгенийъ Онѣгинъ 1825 г., но очевидно всѣ эти сочиненія Пушкина были извѣстны только по именамъ. Величайшимъ русскимъ поэтомъ, ссылаясь на приговоръ современниковъ, онъ считаетъ Жуковскаго и даже о Батюшковѣ выражается сильнѣе, называя его человѣкомъ классически образованнымъ, гениальнымъ, во многихъ отношеніяхъ всего ближе стоящимъ къ Жуковскому.

Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за успѣхами Пушкина два чешскіе поэта Челяковскій и Камаритъ, въ перепискѣ которыхъ имя нашего поэта начинаетъ упоминаться съ 1825 г. Кто знаетъ, какія препятствія приходилось преодолевать воз-

рождающейся чешской литературѣ, тотъ пойметъ тонъ этихъ писемъ: «Боже—пишетъ Камариту Челяковскій 23-го февраля 1825 г.—если-бы положеніе нашего языка и литературы было таково, какъ въ Англіи, Франціи, Германіи или по крайней мѣрѣ въ Россіи: на этихъ дняхъ въ газетахъ было напечатано, что А. Пушкинъ, авторъ Руслана и Людмилы, продалъ въ Москвѣ свое новѣйшее стихотвореніе, заключающееся только изъ 600 стиховъ за 3000 р. Во что станетъ стихъ? (Немного позднѣе о томъ-же со словъ русскихъ путешественниковъ): «Русскіе идутъ впередъ такъ что сердце радуется; на дняхъ были здѣсь изъ Петербурга два доктора, рассказывавшіе намъ утѣшительныя извѣстія въ особенности о молодомъ Пушкинѣ, который обращаетъ на себя вниманіе новѣйшимъ поэтическимъ произведеніемъ «Бахчисарайскій фонтанъ», 5000 экз. разошлось въ одинъ годъ. Если-бы только можно получить его здѣсь». Съ тревожнымъ чувствомъ пишетъ Челяковскій 15 февраля 1826 г., когда распространились слухи о заговорѣ Декабристовъ: «Изъ Россіи приходятъ печальныя вѣсти. Въ этомъ проклятомъ заговорѣ замѣшаны также знаменитые писатели Пушкинъ и Муравьевъ Апостолъ. Первый лучший стихотворецъ, второй лучший прозаикъ. Безъ сомнѣнія оба поплатятся головой». Пушкинъ уцѣлѣлъ и позднѣе о немъ доходятъ уже иного рода вѣсти: «На прошлой недѣлѣ проѣзжалъ здѣсь одинъ русскій секретарь... о Пушкинѣ говорилъ, что живетъ въ Петербургѣ, оставивъ всѣ должности, отдавшись единственно труду писателя; къ сожалѣнію онъ вступилъ въ писательской дѣятельности на путь Виланда, что дастъ ему болѣе денегъ, но принесетъ ли большую славу, сомнительно. 14 августа 1828 г. Какъ не легко было доставать русскія изданія, можно судить по письму въ сентябрѣ 1832 г.: Какъ-то довольно уже давно просилъ ты какихъ нибудь стихотвореній Пушкина и вотъ спустя два года не менѣе присланъ Русланъ и Людмила въ новомъ передѣланномъ и роскошномъ изданіи 1828 г., но цѣна ужасно высокая 6 талеровъ. Не знаю, будетъ ли это тебѣ пріятно: книга лежитъ у Кронберггра; иначе нужно будетъ вернуть ее назадъ».

На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Пушкина Руслана и Людмилу я взялъ у Кронберггра, но это будетъ самая дорогая книга моей библіотеки».

Отзывы о Пушкинѣ встрѣчаются и у хорватскихъ писателей. Станко Вразъ въ письмѣ Челяковскому, говоря о достоинствѣ Дубровницкой литературы высказываетъ такія мысли: «Я думаю, что наша поэзія долго будетъ хромать, пока рядомъ съ искусственнымъ стихомъ не будетъ по заслугамъ оцѣниваться народная пѣсня, пока духъ народныхъ пѣсенъ не проникнетъ въ произведенія нашей литературы. Я признаю цѣну дубровницкихъ поэтовъ, ихъ классичность, удивляясь возвышенности ихъ идей, богатству выраженій и дивной тонкости стиха; но стоитъ перевести ихъ на итальянскій языкъ и всякій итальянецъ скажетъ, что переводъ есть итальянскій оригиналъ. Ихъ совершенству не достаеъ того, чему удивляются русскіе почитатели Пушкина». Ясно, что хорватскій поэтъ разумѣетъ здѣсь народную самобытность пушкинской музыки.

Въ 1849 г. Вразъ совѣтуетъ издателю Христоматіи на словинскомъ языкѣ Мацуну помѣстить въ инославянскомъ ея отдѣлѣ нѣсколько стихотвореній Пушкина, прекрасно переведенныхъ Деметромъ, вмѣстѣ съ русскимъ оригиналомъ. При этомъ интересно, что названы Три Будрысовича и Воевода. Такимъ образомъ видно, что Деметръ перевелъ съ русскаго пушкинскіе переводы Мицкевича. Не мѣшаетъ сопоставить съ этимъ, что и Бѣлинскій въ замѣткѣ на четвертую часть стихотвореній Пушкина Сб. 1835 писалъ: «Гусарь, Будрысъ и его сыновья, Воевода, всѣ эти піесы не безъ достоинства, а послѣдняя рѣшительно хороша», точно также не зная, повидимому, что два послѣднія стихотворенія Пушкина не оригинальныя, а переводныя.

Вскорѣ послѣ смерти Пушкина начали появляться въ славянскихъ литературахъ и статьи о его жизни и литературной дѣятельности. Не всѣ они одинаковаго достоинства и характера. Большею частію они даютъ краткій обзоръ и оцѣнку произведеній Пушкина въ связи съ его біографіей. Но мѣстами въ нихъ встрѣчаются не лишеныя интереса сужденія и въ то же время характерныя для мѣстныхъ условій. Для примѣра укажемъ, что и въ статьѣ, помѣщенной въ *Dalíc* за 1837 г. и въ известной чешской энциклопедіи *Научный Словникъ*, вниманіе авторовъ обратила мягкость наказанія, постигшаго Пушкина въ 1820 г. «Иногда ювошеское увлеченіе такъ овладѣвало Пушкинымъ, что онъ писалъ стихотворенія въ духѣ республиканскомъ, которыя и въ свободныхъ государствахъ едва ли могутъ явиться

въ печати. Между ними особенной извѣстностью пользуются Ода вольности и Кинжалъ. Пушкинъ былъ за это высланъ императоромъ Александромъ въ Бессарабію, гдѣ ему довольно мило-стиво дана была и какая то царская служба». Авторъ статьи въ Научномъ Словникѣ отозвался точно также: «За свободомысленное политическое направленіе, выражаемое въ стихахъ и рѣчахъ, Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга съ чрезвычайною мягкостію: былъ высланъ въ Екатеринославль и опредѣленъ въ канцелярію Инзова». Невольно приходятъ на память слова самого Пушкина, влагаемые имъ въ уста императора Александра: «Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ, король Галліи или императоръ австрійскій съ Вами не такъ бы поступили. За все ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ». Стихотворенія Пушкина «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская годовщина», которыя, нужно замѣтить, были охотно переводимы у всѣхъ славянъ, вызывали не одинаковое отношеніе къ нимъ въ славянской печати. Въ статьѣ Даницы о нихъ сказано: «два стихотворенія особенно повредили Пушкину въ общественномъ мнѣніи — то, въ которомъ онъ прославляетъ взятіе Варшавы, и ода Клеветникамъ Россіи». Авторъ чехъ, подробно останавливаясь на важнѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина, обошелъ совершеннымъ молчаніемъ эти два стихотворенія, что, вѣроятно, зависѣло отъ крупнаго различія во взглядѣ чеховъ на польско-русскія отношенія.

Совершенно исключительнымъ явленіемъ представляется статья о Пушкинѣ Мицкевича въ польской литературѣ. Это, разумѣется, зависѣло какъ оттого, что одинъ великій поэтъ писалъ о другомъ, такъ и оттого, что о Пушкинѣ въ данномъ случаѣ говорилъ человекъ, близко его знавшій, считавшій его своимъ другомъ. Вотъ, почему отъ этой статьи вѣтъ такой теплотой.

Сказавъ о чуждомъ народнаго духа, народныхъ преданій и обычаевъ направленіи лицейскаго образованія Пушкина, о противодѣйствіи этому направленію, какое онъ нашелъ у Жуковскаго, Мицкевичъ разъясняетъ, въ какой степени подчинился Пушкинъ Байрону. Вполнѣ справедливо считаетъ онъ Пушкина не простымъ подражателемъ Байрону, а скорѣе творящимъ въ его духѣ: «если-бы твореніе Байрона не существовало, Пушкинъ былъ бы провозглашенъ первымъ поэтомъ своего времени.

Коснувшись особыхъ условий, въ какихъ находились въ Россіи представители литературы, и указавъ на революціонное направленіе ея въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, на участіе въ этомъ движеніи Пушкина, Мицкевичъ признаетъ знаменательнымъ благосклонное отношеніе къ нашему поэту Императора Николая I, отмѣчая въ то же время вызванныя этой перемѣной нареканія на Пушкина со стороны нашихъ либераловъ того времени. Продолжая за тѣмъ оцѣнку произведеній Пушкина, въ Цыганахъ и Полтавѣ Мицкевичъ видитъ несомнѣнный ростъ его таланта и сожалеетъ только — по отношенію къ послѣдней впрочемъ, по справедливому замѣчанію князя Вяземскаго, совершенно несправедливо — о слѣдахъ байроновскаго вліянія въ формѣ, но Онѣгина, начатаго съ подражанія Донъ Жуану, признаетъ въ концѣ концовъ совершенно оригинальнымъ, въ исторіи славянскихъ литературъ прибавляя къ тому, что его съ удовольствіемъ будутъ читать во всѣхъ славянскихъ земляхъ ¹⁾. Бориса Годунова Мицкевичъ не рѣшается вслѣдъ за русскими критиками ставить наравнѣ съ шекспировскими драмами, но сознается, что этотъ первый опытъ Пушкина въ драматической поэзіи давалъ понять, до чего онъ можетъ дойти... *et tu Shakespeare eris, si fata sinant*. Не только отдѣльныя подробности, но и цѣлыя сцены поражаютъ Мицкевича, особенно высоко онъ цѣнитъ прологъ, находя его единственнымъ въ своемъ родѣ. Напомнивъ, что автору было еще только 30 лѣтъ, Мицкевичъ обращаетъ вниманіе на перемѣну, наставшую въ немъ въ это время: на охлажденіе къ иностраннымъ романамъ и газетамъ, интересъ къ народнымъ преданьямъ, народнымъ пѣснямъ отечественной исторіи и вопросамъ религіознымъ, что все вмѣстѣ тѣснѣе сближало его съ родной землей. Какъ извѣстно, многія поэтическія произведенія Пушкина отъ этого времени явились въ печати только позднѣе, поэтому Мицкевичъ былъ правъ, когда говорилъ, что Пушкинъ въ это время пересталъ почти писать стихи и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько подготовительныхъ историческихъ работъ, и вѣрно предъугадывалъ, что въ этомъ поэтическомъ безмолвіи Пушкина таились счастливыя предзна-

¹⁾ Мицкевичъ оказался вполне правъ; на многіе славянскіе языки Онѣгинъ переведенъ по нѣскольку разъ.

менованія для русской литературы — предзнаменованія скорого проявленія его таланта въ полномъ могуществѣ. Въ сравненіи съ этимъ признаніемъ не выдерживаетъ критики мнѣніе, высказанное Мицкевичемъ въ Исторіи славянскихъ литературъ, будто бы Пушкинъ послѣ стихотворенія Пророкъ не написалъ ничего лучшаго и талантъ его сталъ падать.

Въ заключеніе Мицкевичъ характеризуетъ рѣдкія качества ума и сердца Пушкина: «Пушкинъ изумлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностію ума, былъ одаренъ необыкновенной памятью, вѣрнымъ сужденіемъ, утонченнымъ вкусомъ. Когда онъ говорилъ о политикѣ вѣшней и отечественной, можно было думать, что слушаешь челоуѣка, посядѣвшаго за государственными дѣлами и пропитаннаго ежедневнымъ чтеніемъ парламентскихъ преній. — Я довольно близко зналъ русскаго поэта, находилъ въ немъ характеръ слишкомъ впечатлительный, а иногда и легкомысленный, но всегда искренній и благородный, способный къ сердечнымъ изліяніямъ. Его недостатки зависѣли, повидимому, отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ жилъ, но, что было въ немъ хорошаго, протекло изъ глубины его сердца».

Этотъ очеркъ дѣятельности Пушкина гораздо выше той оцѣнки, которую Мицкевичъ представилъ позднѣе въ курсѣ исторіи славянскихъ литературъ. Князь Вяземскій былъ вполнѣ правъ, говоря: «едва ли найдется въ русской критикѣ (а о Пушкинѣ много писали и пишутъ) подобная вѣрная тонкая и глубокая характеристика поэта нашего».

Многіе славянскіе поэты посвящали Пушкину свои стихотворенія. Владыка Черногорскій Петръ II Сѣни Александра Пушкина посвятилъ изданный имъ сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Онъ называетъ нашего поэта счастливымъ пѣвцомъ великаго народа. Словацкій поэтъ Сладковичъ, восхищаясь лучшими произведеніями Пушкина, оплакиваетъ его преждевременную кончину. Стихи Пушкина «Къ морю» и «Погасло дневное свѣтило» вдохновили чешскаго поэта Ярослава Верхлицкаго, и онъ изобразилъ Пушкина на берегу моря — свободной стихіи, столь сродной душѣ поэта, воскрешающимъ въ своихъ воспоминаніяхъ знаменательные моменты своей жизни и созданные имъ поэтическіе образы Онѣгина и Татьяны. Подъ вліяніемъ Евгенія Онѣгина написалъ поэму чешскій поэтъ

Пялегерь-Моравскій. И другихъ славянскихъ поэтовъ— чеха Коубка, хорвата Кукулевича Сакцинскаго, серба Воислава Илича вдохновляли не разъ муза и имя Пушкина.

Переводы Пушкина стали появляться на славянскихъ языкахъ, начиная съ двадцатыхъ годовъ. Первые были польскіе, за ними слѣдовали чешскіе, сербскіе и хорватскіе и наконецъ болгарскіе. Нѣкоторыя изъ крупныхъ твореній Пушкина, напр. Евгенийъ Онѣгинъ переведены три раза на языкъ сербскомъ и хорватскомъ, два раза на чешскомъ, не говоримъ о мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя переводились еще чаще. Славянскіе переводы печатались и въ крупныхъ славянскихъ центрахъ и и въ мало извѣстныхъ уголкахъ славянскаго міра: въ Прагѣ, Загребѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Люблянахъ, Брнѣ, Турчанскомъ св. Мартинѣ, Пискѣ, Задрѣ, Новомъ Садѣ, Панчевѣ, Мостарѣ, Русцукѣ, Силистріи и др., а также въ столицахъ государствъ не-славянскихъ: Вѣнѣ, Царьградѣ, Бухарестѣ.

Нашъ великій поэтъ пѣлъ о себѣ:

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ».

Слава о немъ, давно переступивъ рубежи отечества, идетъ по всему міру и все возрастаетъ, но съ особенной гордостію и любовію называетъ славное имя Пушкина родной ему по крови славянскій міръ, преклоняясь предъ вѣчно прекрасной его музой, видя въ ней одно изъ величественнѣйшихъ проявленій славянскаго генія.

1799—1899.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ ОДЕССѢ

26—27 мая 1899 г.

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета.

Съ четырьмя фототипическими снимками.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІА, ПОЧТОВАЯ, № 43.
1900.